

Мария Аронова:

Хочу раскатыивать на «Мерсе», но заработала пока на «Жигули»

Звезда Марии Ароновой зажглась стремительно лет пять назад. Массовый российский зритель узнал ее благодаря сериалам — вот и ругай после этого «мыльные оперы»! Аронова блеснула в «Кафе «Клубничка», затем были «Московские окна», «Остановка по требованию», «Мамука»... Засветилась Мария и в «Бригаде», где сыграла родную тетку главного героя Саши Белого.

«Я была тупым бараном»

— Ваша последняя премьера — «Царская охота» на сцене Театра имени Вахтангова произвела настоящий фурор. Даже критики хвалят, а театралы скупают билеты: всем хочется увидеть Аронову в роли императрицы Екатерины II...

— Успех моей роли — это заслуга режиссера Владимира Иванова.

— Насколько я понимаю, Владимир Иванов — это «ваш» режиссер.

— Когда я училась в Щукинском театральном училище, Владимир Владимирович вел мой курс. Мы понимаем друг друга на уровне энергетики. Порой мне кажется, он знает меня лучше, чем я сама, он лепит из меня, как из куска глины, за что я благодарна ему бесконечно. Я на сто процентов завишу от режиссера! Даже не представляю, как я могла бы оторваться от труппы, уйти из театра, начать свое дело...

— А вы не слишком скромничаете? Ведь люди в основном вас знают по телесериалам, поставленным без участия Иванова. Роли вам достаются не первые, но яркие. Нравится играть в «мысле»?

— Я бы не стала обобщать все работы. «Московские окна», над продолжением которых мы сейчас работаем, доставили настоящую творческую радость. В «Остановке» был собран блестящий актерский состав — игралось легко и приятно. А сериал «Кафе «Клубничка» изначально ни на что никогда не претендовал, снимались шутки, анекдоты с одной-единственной целью — показать зрителям любимых артистов.

— От ваших ролей, особенно киношных, веет таким спокойствием... Знаете, я была просто сражена, узнав о вашей весьма бурной юности: школу кинули, комсомол — тоже, нервы родителям потрепали... Ничего себе здравомыслие!

— Я просто была тупым бараном. Папа мог ругаться, мама убивалась, но запретить мне что-то делать было невозможно. Я же всегда хотела идти своим путем, чтобы расширить лоб, затем в крови вернуться — и сказать: «Слушайте, а ведь вы были правы!»

— Да уж, вероятно, школе в родном Долгопрудном от вас доставалось... Как учились?

— Не хуже других, но проблемы с педагогами были постоянно. Я ведь хулиганила — в определенном смысле, конечно — спорила с учителями на равных, могла выйти из класса, хлопнув дверью. Отказывалась ходить на физкультуру. Не вылезала из двоек по физре. А после девятого класса вовсе удрала из школы, устроилась работать художником на фабрику ВТО. Я, рисуящая как курица лапой, не способная изобразить даже лист клееновый, определилась в художники! Естественно, не задержалась на фабрике, отец

упросил школьную директрису «принять Машку обратно». Родители гордились моим старшим братом Александром: он получил прекрасное образование, стал известным в столице иконописцем, а я доставляла одни неприятности. Последний год в школе увлеклась театром и прогуливала безбожно.

— А с комсомолом почему не сложилось?

— Посмела наехать на парторга. Взятась доказывать, что девицы на выданье в коротких юбочках не должны участвовать в смотрах песни и строя — глупо, мол.

— Вероятно, парторг не подзревал, что «выданье» — это более чем серьезно. Ведь, насколько я знаю, в первый раз выскочить замуж вы собирались в 14 лет.

— Я просто преклоняюсь перед терпением мамы и папы — никто не возразил против этого брака. Они согласились! Улугбек был значительно старше меня, родом из Узбекистана. Он действительно хотел жениться, терпеливо ждал, когда мне стукнет шестнадцать. Его родные даже успели построить дом где-то в районе Ферганы, а кончилось все крахом. Почему? Да потому что надоел он мне — если в двух словах. Кажется, мой Лулу плакал, получив отказ. Мы поссорились, но потом снова помирились. Время от времени он, уже семейный, солидный человек, присылает мне открытки.

— Вашему сыну Владу 11 лет. До 14 рукой подать. Скажите честно, как мать: вы смогли бы выдержать подобные закидоны своего ребенка?

— Чувствую, по части закидонов сын обойдет меня. Тот же дикий характер, невероятно завышенная самооценка. Из-за этого мы сменили три детских сада, две школы... Пытаюсь хоть немного быть похожей на маму — но получается ли, не знаю. В один ужасный день, когда мамы не стало, я обнаружила себя — 23 лет от роду — в совершенно пустой квартире, по которой гулял ветер, с четырехлетним Владиком на руках, с папой, потерянно съжившимся на стуле...

— Маша, а как же отец Владика?

— А что, вы полагаете, при своем бараньем характере я могла избежать участи матери-одиночки?

«За своего сына в порошок сотру»

— Вашего мужа зовут Евгений, вы вместе уже пять лет, он бросил ради вас престижную работу — занимается домом, сыном... Награда за все. Правильно?

— Для меня — награда. Что касается Жени — спросите у него. Когда мы познакомились, он был начальником транспортного цеха в Театре имени Вахтангова, как-то подвозил Михаила Александровича Ульянова, а тот возьми да попроси: мол, подкинь и Машу до дома... С тех пор все началось. Непросто. Не гладко — особенно в том, что касалось Владика. Ведь это очень сложный процесс — притирание ребенка к чужому мужчине, да еще с такой матерью, как я. Мое не тронь! Я волчица, за своего сына в порошок сотру. Обычный комплекс матери-одиночки — попробуй изживи его в одиночку!.. Но я просыпаюсь поутру и вижу, как мой Владик спит в обнимку с Женей — стало быть, прискакал ночью и привалился не к матери, а к нему.

— Где ваш муж работает сейчас?

— Заместителем директора в долгопрудненском дворце культуры, специально подобрал место поближе к дому, чтобы Вла-

дик был на глазах, чтобы горячий обед — вовремя, чтобы уроки — под контролем... Ради нашей семьи Женя осознанно отказался от собственных амбиций, свойственных любому толковому человеку, тем более мужчине.

— А что же отец Владика? В каких далах растворился?

— Пошел своим путем. Он учился в ГИТИСе, подавал невероятные надежды... Мы познакомились, когда я училась на первом курсе, жила в общежитии — я же свободы искала, независимости! Как-то мыла полы в комнате, вылезла прямо с тазами, растрепанная, в коридор, а там — он. И вокруг — свита. «Познакомьтесь, — шепчут мне, — это Владислав». Гром грянул. Последовал смерч. Все как положено. Затем родился Владик — тоже Владик... Мы поселились вместе. Жили год. А потом Влад-старший ушел, испарился...

— Но как же вы управлялись — одна, с ребенком?

— Пришлось вернуться домой. Мама с папой приняли, сказали, что помогут, но ставят одно-единственное условие: никаких тусовок, никаких загулов, маршрут четкий: институт — театр — дом. И я работала как зверь. Я была одной из самых занятых студенток на курсе у Иванова. Я никогда не прогуливала, не знала, что такое лень...

— А не возникало мысли сесть дома, заняться воспитанием ребенка вплотную, особенно после того, как судьба свела с Евгением?

— Я очень переживаю,

что не занимаюсь воспитанием сына так, как хотелось бы, — возвращаюсь после работы словно выжатый лимон, какой там воспитательный процесс! Женя моему Владу и за маму, и за папу, и за лучшего друга... А я? Я сойду с ума, сидя на кухне! Во мне буря страстей, бездна эмоций и сил. Где, как израсходуется весь этот арсенал? Наверное, пока я способна зарабатывать хорошо и много, я должна выполнять именно эту функцию.

— Вы знаете, какой подарок порадовал бы вашего мужа больше всего?

— Знаю. Между прочим, об этом же подарке мечтаю и я сама. О дочке.

— Вас не обходят наградами, не так ли? Роль Прони Прокоповны из комедии «За двумя зайцами» оказалась в этом смысле особенно «урожайной»: именно за нее вы получили и премию «Кумир», и «Хрустальную Турандот», и много чего еще...

— Премий действительно было много — однако самой дорогой считаю рушник, подаренный Юлией Константиновной Борисовой. Она отдала его мне, посмотрев «Зайцев», и сказала, что выполняет завешание гениального артиста Василия Осиповича Топоркова. Когда-то он подарил этот рушник ей и сказал: «Когда поймешь, что есть, кому передать — передай...»

— Кажется, вы не очень тщеславный человек?

— Очень даже ошибаетесь! Награды — обожаю. Без похвал и одобрения жить не могу, без моральной поддержки просто погибаю!

— Театр имени Вахтангова — учреждение академическое. Не прекают сериалами, рекламой?

— С чего бы вдруг? Снимаюсь не в ущерб театру. Жить на что-то надо?.. Реклама «Комета», к примеру, позволила купить машину, теперь у нас две: у меня «ВАЗ-2111», у Жени «четверка».

Отечественные авто, а все равно приятно. Гоняем каждый на своей. Честно сказать, хочется быть богатой женщиной и раскатыивать на «Мерсе», но я понимаю: пока заработала на «ВАЗ» — стало быть, довольствуюсь «ВАЗом».

— Появился возможность «перенатреть» жизнь заново — что изменили бы?

— Избежала бы участи матери-одиночки... Постаралась бы стать другой дочерью... Больше ничего.

■ Беседовала Рита Болотская.

Мария с Владиком и домашним любимцем